

Перед ним высилось монументальное четырёхгранное сооружение. К самой вершине вела бесконечная каменная лестница, чьи верхние ступени терялись в вышине. Клубящийся туман окутывал каменную кладку, придавая ей дымку таинственности.

Шэнь Цинчжоу подошёл ближе, разглядывая величественное возвышение. По четырём углам высились исполинские каменные колонны толщиной в обхват, уходящие далеко в небо. От самого основания вверх по ним извивались грубые, древние узоры.

На каменном постаменте внизу виднелся высеченный длинный силуэт. Время безжалостно сгладило его очертания и грани; Шэнь Цинчжоу долго всматривался, прежде чем понял, что это гигантский змей, обвивающий подножие Алтарной террасы императоров. Строгая, первозданная монументальность веяла от каждого камня.

Навалилась удушливая тяжесть ушедших веков. В ушах Шэнь Цинчжоу нарастал глухой гул, пальцы онемели, а мир перед глазами покачнулся, смазлся и закружился безумным калейдоскопом образов. Зрение отказало. Грудь сдавило тупой, ноющей болью, сердце сжалось в тиски, дышать становилось всё труднее.

«Какая тоска...»

Шэнь Цинчжоу даже не заметил, как по щекам покатились обжигающие слёзы. Внезапно он вздрогнул, силой вырываясь из вязкого морока.

«Что это за чертовщина?»

Шэнь Цинчжоу поспешно стёр следы слёз, возвращая способность трезво мыслить. Судя по пропорциям и строению, перед ним был древний алтарь для жертвоприношений. Но почему один лишь его вид пробуждает такую невыносимую скорбь?

Он поднял голову, всматриваясь в вышину, и замер.

Там, на самом верху Алтарной террасы императоров, едва различимый в клубах тумана, чернел силуэт. Похоже, человеческий.

«Там кто-то есть?»

Глубоко вздохнув, он решил подняться. Человек ли там, призрак, демон или божество — нужно выяснить.

Ступенька за ступенькой он шёл вверх. Когда до вершины оставалось всего ничего, сквозь тающие нити тумана наконец проступили очертания фигуры.

Действительно, человек.

Мужчина сидел с закрытыми глазами. Обликом он напоминал юношу, едва достигшего совершеннолетия. Черты лица — точёные, с высокой переносицей и глубоко посаженными глазами — были безупречно красивы, но в этой безупречности, словно высеченной из холодного камня, сквозило нечто чуждое, нечеловеческое. Длинные распущенные волосы тёмным водопадом струились по плитам.

Одет он был в тёмное просторное одеяние с глубоким вырезом, из-под которого виднелась белоснежная нижняя рубаха. Широкие рукава сужались у запястий. На самой ткани не было узоров, но пояс поражал изысканностью: расшитый цветными шёлковыми нитями, он изображал диковинных птиц и зверей, а золотая пряжка была выполнена в форме изящной лютни-пила.

«Такие наряды носили в эпохи Цинь и Хань...»

Стоило Шэнь Цинчжоу об этом подумать, как незнакомец распахнул глаза, блеснувшие антрацитом.

Их взгляды встретились. Глаза мужчины, прозрачные, как полированный обсидиан, казались бездонными. Сейчас в них светилась искренняя радость, отчего тревога в душе Шэнь Цинчжоу немного улеглась.

И всё же бдительности терять не следовало.

Шэнь Цинчжоу остановился поодаль и, вежливо сложив ладони, спросил:

— Я забрёл сюда во сне. Могу ли я узнать ваше имя, уважаемый?

Мужчина на мгновение запнулся:

— Я... что ж, зови меня Чжоу Фу.

Он бросил на собеседника быстрый взгляд и тут же опустил глаза, словно робея. Немного помолчав, он тихо добавил:

— А тебя... как зовут тебя?

— Моя фамилия — Цинь, второе имя — Куньюй.

— А настоящее?

— Чжо.

Чжоу Фу мазнул рукой, приглашая подойти ближе, но глаз так и не поднял:

— Я не могу сойти с этого места... Пожалуйста, подойди... Если не возражаешь.

Шэнь Цинчжоу внутренне подобрался, напрягая каждую мышцу, но внешне спокойно сделал несколько шагов вперёд. Подумав, он подогнул полы одеяний и опустился на каменные плиты напротив Чжоу Фу.

Поскольку тот молчал, Шэнь Цинчжоу заговорил первым:

— Позволь нескромный вопрос: где мы находимся?

Услышав это, Чжоу Фу едва заметно вздрогнул. Он мельком взглянул на лицо Шэнь Цинчжоу и тут же снова уставился в землю.

— Нам... не нужно церемониться друг с другом. Говори проще.

Его глубокий, ещё юношеский голос слегка дрожал.

«Он боится», — подумал Шэнь Цинчжоу.

Но чего может опасаться этот загадочный страж на собственном алтаре? Неужели здесь есть что-то, способное ему угрожать?

Шэнь Цинчжоу слегка подался вперёд. Его голос прозвучал ровно, без единой эмоции:

— Почему же?

Собственные силы юноши были ничтожны, но это не означало, что он должен слепо подчиняться чужой воле в этом странном месте. В неопределённости крылся его шанс перехватить инициативу.

Чжоу Фу приоткрыл рот, собираясь ответить, но передумал и умолк, уставившись на руки Шэнь Цинчжоу, покоившиеся на коленях.

Шэнь Цинчжоу явился сюда прямиком из сна, в одном лишь тонком домашнем халате, подчеркивавшем его худощавое сложение. В семье Цинь с Острова Пэнлай отдавали предпочтение чёрному цвету, так что даже спальное платье было темнее ночи. Ткань на его коленях легла мягкими складками, похожими на рябь от лёгкого ветра на глади озера. Светлые

пальцы Шэнь Цинчжоу, частично утопавшие в шёлке, казались выточенными из безупречного белого нефрита.

Дыхание Чжоу Фу перехватило, и он порывисто зажмурился, не смея больше смотреть.

Шэнь Цинчжоу прищурился, подмечая эту невольную уступку. Настаивать и давить дальше он не стал, решив проявить гибкость.

— Ты так и не ответил, где мы.

Почувствовав, что тон собеседника смягчился, Чжоу Фу облегчённо выдохнул.

— Это Алтарная терраса императоров.

В «Мире Гор и Морей», в свитке «Регионы за морями: Север», сказано: «Слуга бога воды Гунгуна по имени Сянлю имел девять голов и кормился на девяти горах. Куда бы он ни ступал, земля превращалась в болота и топи. Великий Юй убил Сянлю, но кровь чудовища была столь ядовита, что отравила почву, лишив её плодородия. Трижды пытался Юй засыпать это место землёй, и трижды она проваливалась. Тогда он воздвиг здесь Алтарную террасу императоров. Находится она к северу от Куньлуня и к востоку от царства Жоули».

Иными словами, Алтарную террасу императоров построили ради того, чтобы навеки запечатать останки поверженного Сянлю.

Но Куньлунь уже многие столетия считался запретной землёй, куда не ступала нога смертного практика. Кем же тогда был этот Чжоу Фу?

— Ты поставлен здесь охранять Алтарную террасу императоров? — спросил Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу покачал головой:

— И да, и нет. Но... подробностей я раскрыть не могу.

Шэнь Цинчжоу молча кивнул. Если этот безвестный юноша в одиночестве нёс дозор на Алтарной террасе императоров бессчётное количество лет, его миссия явно обладала колоссальным значением.

— А как я оказался здесь во сне? — сменил тему Шэнь Цинчжоу.

Чжоу Фу слегка склонил голову набок:

— Этого я тоже сказать не могу.

Он выглядел совсем юным, его широко распахнутые глаза с чуть опущенными уголками выражали такое простодушие, что Шэнь Цинчжоу невольно смягчился.

— Ну, хотя бы намекнуть ты можешь? — мягко спросил он.

Чжоу Фу замялся:

— Боюсь, ты рассердишься.

— Не рассержусь, обещаю.

— Хорошо, я верю тебе, — Чжоу Фу робко вскинул взгляд и прошептал: — На самом деле... это я тебя сюда притянул.

Шэнь Цинчжоу промолчал. Сидя с идеально прямой спиной, он лишь пристально разглядывал юношу.

—... Я не вру тебе, — занервничал тот.

— Я знаю.

— Но ты обещал не злиться!

— Да не злюсь я, — с мягким вздохом Шэнь Цинчжоу потёр висок. — Просто пытаюсь понять, как мне вернуться обратно.

Чжоу Фу оказался на удивление простодушным. Сам Шэнь Цинчжоу, несмотря на молодость, из-за своего высокого положения в клане привык опекать других и сейчас невольно начал относиться к этому странному существу как к младшему родственнику.

— Если хочешь уйти, я прямо сейчас верну тебя в твой мир, — робко пробормотал Чжоу Фу. — Только пообещай мне кое-что.

— Говори, — Шэнь Цинчжоу мгновенно посерьёзnel.

«Чего может потребовать от него страж древней Алтарной террасы императоров?»

Сам Шэнь Цинчжоу едва укрепился на начальной ступени очищения сущности и обращения её

в ци — много ли от него толку? Быть может, незнакомцу нужна помощь могущественного клана Цинь, чтобы покинуть заточение или отыскать утерянный артефакт? Или его цель — старый глава клана, Цинь И, признанный сильнейшим мастером среди людей? Если это как-то угрожает семье, то лучше...

— Можно мне... звать тебя просто А-Чжоу?

Собрав всё своё мужество, Чжоу Фу наконец открыто взглянул Шэнь Цинчжоу прямо в глаза.

Шэнь Цинчжоу опешил, а затем невольно усмехнулся:

— И всё?

— Угу! — Чжоу Фу отчаянно закивал, боясь упустить момент, его тёмные глаза заблестели от надежды.

— Конечно можно, — Шэнь Цинчжоу тепло улыбнулся.

Это было очень личное, домашнее прозвище — так его звал только старый глава семьи, но сейчас Шэнь Цинчжоу решил не придавать этому значения. Чжоу Фу завороченно уставился на него, а затем резко опустил голову и закрыл уши руками, будто прячась от мира.

«У него же сейчас уши сгорят от стыда», — подумал Шэнь Цинчжоу, глядя на то, как тот съёжился.

«А он так красиво улыбается...»

«А-Чжоу, А-Чжоу...»

Он без конца повторял это имя про себя.

«Я наконец-то тебя нашёл».

Холодный лунный свет косо падал сквозь тонкий шёлк на окнах. Шэнь Цинчжоу резко сел на постели.

Зажав ладонями лицо, он тяжело, прерывисто дышал. В груди бешено колотилось сердце, к горлу подкатывала тошнота. Понадобилось немало времени, чтобы унять дрожь и прийти в себя.

Откинув одеяло, Шэнь Цинчжоу спустил ноги на пол и наощупь налил себе холодной воды.

Ледяная влага обожгла горло, окончательно прогоняя остатки сна. С наступлением осени пол в спальне застелили плотным ковром, так что босым ногам не было холодно.

На резном столе из грушевого дерева высилась бронзовая лампа. Шэнь Цинчжоу пододвинул её ближе и повернул основание на пол-оборота. Вырезанные на металле руны вспыхнули, и на фитиле заплясал весёлый огонёк, разгоняя ночную прохладу и мрак. Правда, свет был тусклым — духовный камень внутри почти исчерпал свои силы.

Выдвинув ящик стола, Шэнь Цинчжоу достал парчовую шкатулку, доверху набитую одинаковыми круглыми окатышами низкоранговых духовных камней — гладких и полупрозрачных. Нащупав один из них, он крутанул основание лампы обратно. Огонёк погас, комната вновь погрузилась во тьму. Сняв крышку светильника, он быстро заменил истощённый камень новым, вернул крышку на место и снова зажгёт фитиль. На этот раз вспышка вышла яркой и чистой.

Шэнь Цинчжоу опустил лампу в предназначенный для неё паз в центре деревянного стола. Раздался тихий щелчок — сработало сопряжение, и под самым потолком, в четырёх углах комнаты, разом вспыхнули перегородчатые эмалированные фонари. Спальня залилась ровным, почти дневным светом.

— Хэйшицзы! — негромко позвал он в сторону двери.

Створки бесшумно приоткрылись, и в образовавшуюся щель протиснулся белый зверь с чёрными тигровыми полосами. В несколько мягких прыжков он оказался у ног хозяина.

Потускневший, серый духовный камень, вынутый из лампы, для медитаций больше не годился. Шэнь Цинчжоу забавы ради сунул его зверю вместо лакомства. Хэйшицзы с громким хрустом разжевал угощение, проглотил и принялся ластиться, утыкаясь мордой в голени хозяина. Приятное тепло разлилось по телу Шэнь Цинчжоу, помогая сбросить остатки напряжения. Юноша вздохнул, унял внутреннюю дрожь от пережитого в странном сне и, притянув зверя к себе, ласково зарылся пальцами в его густую шерсть.

«Север Куньлуня. Алтарная терраса императоров. Чжоу Фу...»

Шэнь Цинчжоу задумчиво закрыл глаза, на которых золотыми искрами плясали отсветы пламени.

Обхватив одной рукой крупную голову Хэйшицзы, он другой неспешно гладил его по спине от затылка до самого хвоста. Зверь послушно положил передние лапы на локоть хозяина и потянулся мордой вверх, утыкаясь лбом в его подбородок.

— Мэнцзи... мэнцзи... — тихонько заурчал он.

Зверь не понимал, что встревожило хозяина, но чутко улавливал его состояние и старался утешить.

Шэнь Цинчжоу похлопал его по шее:

— Ну же, Хэйшицзы, ложись. Давай причешу тебя.

Взглянув на окно, он понял, что близится час Кролика, спать всё равно уже не имело смысла. Этот лохматый разбойник за день успел где-то нагуляться и собрать на свою шкуру кучу колючек, так что расчесать его было хорошей идеей. Зверь послушно завалился на бок на ковре, лениво помахивая хвостом и ожидая, пока хозяин достанет его любимый гребень.

Шэнь Цинчжоу устроился рядом, поудобнее уложил тяжёлую голову зверя себе на колени и засучил широкие рукава халата.

Вдруг рука его замерла на полпути.

На внутренней стороне правого запястья отчётливо виднелся чёрный рисунок. По очертаниям он напоминал древний иероглиф «гора», но средний, самый высокий зубец был не острым, а ровным и плоским, словно вершину горы начисто срезало мечом.

Шэнь Цинчжоу едва не выронил гребень.

«А это ещё что такое?!»

<http://bllate.org/book/18428/1768494>